

Григорий Кружков: СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Все то, что мы выдыхаем в холодный день:
комочки снов, туманные струйки обид,
и те пузыри, которыми дышит земля,
и дым из труб, и пар незастывшей реки,
и облако над лоханью, в которой отмыть
упорно стараются черного кобеля,
и серый дым, и пар нефтяной реки,
и наши вздохи, и утренние зевки,
и все боязливо-беспомощные слова —
уходят вверх — и, пройдя через семь небес
и семь золотых завес — мировых кулис —
преображаются в звезды и сыплются вниз —
гляди — каким мерцающим кружевом лент,
алмазными искрами крестиков и колец —
как будто ангелов цех потрудился тут!
Так небеса нас учат писать стихи,
так нас посещает вечность, пока снега
летят, не касаясь черной, жадной земли.

* * *

Я буду помнить тебя и в марсианском плену –
В колоннах каналорбочих, в колодцах шахт,
Угрюмо глядя сквозь красную пелену
И смесью горючих подземных газов дыша.

Я буду помнить тебя и в марсианском плену,
Вращая динамо-машину, дающую ток
Какому-то Межгалактическому Гипер-Уму,
Пульсирующему, как огромный хищный цветок.

На грустной земле и в марсианском раю,
Где больше мы не должны ничего никому,
Закрою глаза, уткнусь в ладошку твою –
И этого хватит на всю грядущую тьму.

РИЧАРД II

Человека, который изобрел носовой платок,
Умертвили злодеи. Умертвили его не за то,
Что он изобрел. Но еще почему-то страшнее,
Что убили не просто какого-то короля,
Но того, чьим стараниям благодаря
(Значит, можно сказать, что он жил и погиб не зря)
Мы чихаем и плачем нежнее.

Тут Шекспир не додумал какой-то важной строки.
Если всех изобретающих носовые платки,
А также всех роняющих и теряющих носовые платки,
Умертвлять с гримасой неандертальца,
То никто не станет уже облегчать носов
И придумывать названия парусов,
А все станут, наоборот, ходить без трусов
И сморкаться посредством пальца.

Может быть, все к тому и идет. Посмотри на экран.
Левый кран прикрути. Или вовсе заткни этот кран.
Лучше в ванну заляжем.
Удивляюсь, откуда столько взялось сволочей,
Что придумали столько полезных вокруг мелочей,
Что не знаешь, которая кнопка и номер тут чей,
И каким вытираться пейзажем.

Человека, который изобрел носовой платок,
Зарубили враги. Он уже не пойдет на каток,
Потому что растаяло время.
Есть в Аббатстве Вестминстерском скорбный один уголок.
Можно встать над могилой его и сказать монолог.
Завяжи узелок, мой дружок, завяжи узелок,
Не стесняясь, один перед всеми.

* * *

А если заскучаешь, позвони.
Пусть дрогнут кольца маленькой змеи
И разожмутся. Со второй попытки
Пространства плач послышится в трубе,
И вот — мой голос явится к тебе,
Как гость ночной к доверчивой спиритке.

Не прекословь ему, закрой глаза.
То, что ты слышишь, чистая слеза,
Родившаяся в кубе перегонном.
Се эликсир, ему же имя дух;
А телефон отцеживает мух
И связывает слух с другим эоном.

Так слышно хорошо и далеко,
Что не понять, с каких ты облаков
Звучишь, и сам я — из какой котельной.
Но если потихоньку закурю,
Ты догадаешься: я в том краю,
Где воздух и огонь живут отдельно.

ЕЩЕ ОДНА БРОДЯЧАЯ СКРИПКА

Пролетает, брызнув в ночь огнями...

А. Блок

Музыка эта ночная в сабвее...
Поздний ездок, над раскрытою книгой совея,
слышит какого-то Скрябина вдруг или Брамса —
и, пораженный, внезапно выходит из транса.

На пересадке, поняв роковую ошибку,
слышит с платформы напротив бродячую хриплую скрипку,
голос заплечный: «Чего тебе надобно, старче?»
Звук приближается, все горячее и жарче.

Это не музыка — когтем по форточке скрежет,
это цыганка с жидовкою курицу режут,
это убийца скрипит по ступеням — все ближе и ближе —
кролик, беги! — но бежать невозможно — беги же,
кролик! — но бежать бесполезно и поздно спастись —

если не вылетит трейн из туннеля, как утка из зайца.

Двери сомкнулись — как отрубило.
Господи! Кто тут вокруг, венецьянцы иль турки?
Музыка стихла. Что это было —
что продолжается снова беззвучно, но в темпе мазурки?

Это погоня несется, гарлемским гремя перегоном,
и не понять в блеске вагонном и гуле —
то ли протон обезумевший гонится вслед за протоном,
то ли Вакула на черте летит, то ли черт на Вакуле.

Что это было? Музыка стихла.
В синем окошке Бронкса огни замигали.
Взвизгнувший тормоз. Треснувший выхлоп.
И непонятно кому — эту розу в бокале.

Главное — не говорить и не шевелиться,
чтобы не сбить уходящего слабого звона...
Так раскрывают ножом перловицу
ради слезинки одной замутненной.

Так одалиска лежит — недорогая утеха
местной базарной шпаны; и все ей мерещится ласка
гостя ночного; и в ухо ее входит эхо,
как караван верблюдов в ворота Дамаска.